

1-й кнз.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

№ 4257255

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТЪ КЛАСС. ПРОФЕССУРЫ
2066 с.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 1. 6

ЯНВАРЬ 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

2

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО.

Мое первое знакомство съ К. Д. Ушинскимъ *).

I.

Я попалъ въ Смольный институтъ въ 1860 году, какъ разъ въ самый разгаръ его реформы, совершаемой по проекту К. Д. Ушинскаго, который былъ въ то время инспекторомъ института. Чтобы лучше оцѣнить все значеніе реформы, предпринятой Ушинскимъ, необходимо хоть бѣгло взглянуть на прошлое, до-реформенное время этой alma mater всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи съ среднимъ общеобразовательнымъ курсомъ. Смольный въ теченіи ста лѣтъ служилъ у насъ образцомъ для устройства всевозможныхъ женскихъ учебныхъ заведеній. По образцу Смольнаго устроились у насъ всѣ прочіе женскіе институты, всѣ такъ-называемые образцовые пансіоны для дѣвицъ, даже пріюты, училища для дѣвицъ духовнаго званія, даже частные женскіе пансіоны—всѣ были не что иное, какъ миниатюрный снимокъ съ того-же Смольнаго. Оно и понятно: первыя учредительницы, начальницы, воспитательницы, учительницы такихъ заведеній были смолянки; онѣ-то и привесли съ собой въ новыя учебныя заведенія тѣ порядки, тѣ взгляды, съ которыми сроднились, бывши въ институтѣ. Если мы прибавимъ къ сказанному, что Смольный въ теченіи ста лѣтъ (1764—1864 гг.), выпустилъ до 7.000 дѣвицъ, сдѣлавшихся впоследствии матерями семействъ и воспитатель-

*) Источники: а) Личныя воспоминанія. б) «Столѣтіе Смольнаго института» Ст. Д. Д. Семенова. «Отеч. Зап.» 1864. в) А. Фролковъ. «К. Д. Ушинскій». Спб., 1881. г) В. Острогорскій и Д. Семеновъ. «Русскіе педагогическіе дѣятели». Москва. 1887 г. е) Л. Н. Модзалевскій. «Къ біографіи К. Д. Ушинскаго». Тифлисъ. 1881. ф) «Выдержки изъ частной переписки К. Д. Ушинскаго». «Русск. Шк.», 1893, №№ 7 и 8. г) «Образованіе русской женщины». Педагогическія сочиненія К. Я. Стоюнина. і) Всѣ сочиненія К. Д. Ушинскаго. к) «Историческій очеркъ столѣтней жизни Смольнаго». В. Лядова. Спб. 1864 г. л) «Хроника Смольнаго монастыря въ царствованіе Императрицы Екатерины II». Нины Р—ой. Спб. 1864. м) «Федоръ Ивановичъ Янковичъ де Миріево». А. С. Воронова.

ницами, которыя взлелѣяли нѣсколько новыхъ поколѣній, посѣявъ въ нихъ тѣ сѣмена, которыя сами получили, то станетъ понятнымъ, почему мы придаемъ такое важное значеніе Смольному институту.

Первообразомъ для Смольнаго института послужилъ женскій французскій институтъ Сен-Сиръ, который былъ основанъ въ 1668 г., по внушенію де-Ментенонъ, Людовикомъ XIV близъ Версаля для воспитанія дочерей французскаго дворянства, разореннаго непрерывными войнами. Въ началѣ это заведеніе было чѣмъ-то въ родѣ поэтической забавы для короля. Онъ являлся туда среди избранной толпы пышныхъ царедворцевъ, любовался искусствомъ и граціей, съ которыми воспитанницы разыгрывали трагедіи Расина, съ наслажденіемъ прислушивался къ чистымъ звукамъ дѣтской любви, выражавшейся въ пѣніи гимновъ, музыки Люлли, окружалъ воспитанницъ роскошью, приставилъ къ нимъ прислугу въ королевской ливреѣ, далъ заведенію великолѣпный гербъ, усѣянный царственными лиліями, даже велѣлъ выбить въ честь Сен-Сира медаль. Онъ говорилъ Расину и Буало, что основаніе этого института—событіе слишкомъ важное для того, чтобы они не упомянули о немъ въ исторіи его царствованія. Но такое устройство Сен-Сиръ сохранилъ только до 1707 года, когда онъ былъ преобразованъ въ настоящій монастырь, гдѣ не было другихъ воспитательницъ и наставницъ, кромѣ монахинь, и откуда немногія изъ воспитанницъ возвращались въ свои семейства или выходили замужъ; большинство-же принимало монашескій санъ. Выходя изъ Сен-Сира, воспитанницы знали въ совершенствѣ рукодѣлія, свой родной языкъ и не читывали никакой другой книги, кромѣ молитвенника. Институтъ замеръ въ своихъ стѣнахъ и въ 1793 г. національное собраніе уничтожило его. Родители разобрали своихъ дочерей, а монахини разбрелись въ разныя стороны. Онъ былъ обращенъ сначала въ военный госпиталь, потомъ, въ 1800 году, въ школу для мальчиковъ, а нѣсколько лѣтъ спустя въ спеціально-военную школу, которая существуетъ и до сихъ поръ. Первою начальницею нашего Смольнаго и была француженка, Софія де-Лафонъ, которая, по преданію, сама воспитывалась въ Сен-Сирѣ и очень естественно старалась дать Смольному направленіе, полученное ею въ Сен-Сирѣ.

Смольный *) возникъ у насъ въ 1764 г., т.-е. ровно 130 лѣтъ

*) Такое названіе получилъ Смольный институтъ отъ деревни Смольной, существовавшей на мѣстѣ нынѣшнихъ зданій института въ началѣ XVIII ст. и славившейся своими дегтярными заводами. Близъ деревни Смольной въ 1720 г. Петръ Великій построилъ загородный дворецъ, который также получилъ названіе Смольнаго и служилъ обыкновеннымъ мѣстомъ пребыванія великой княжны Елисаветы Петровны. По вступленіи ея на престолъ, Смольный дворецъ опустѣлъ, а въ 1748 г. на его мѣстѣ былъ заложенъ Воскресенскій дѣвичій мона-

тому назадъ. Увлечшись блестящею мыслью Бецкаго воспитать или, лучше, создать въ Россіи новую породу людей, Императрица Екатерина Великая 12-го марта 1764 г. писала въ генеральномъ учрежденіи о воспитаніи обоюга пола юношества, что: «просвѣщенный науками разумъ не дѣлаеть еще добраго и прямого гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены. Посему ясно, что корень всему злу и добру — воспитаніе. Достигнуть-же сего послѣдняго съ успѣхомъ и твердымъ исполненіемъ не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя, т.-е. *произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, которые дѣтямъ своимъ тѣ-же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія они получили сами, и отъ нихъ дѣти передали паки своимъ дѣтямъ и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣка*». А уже 5-го мая того-же года Императрица подписала указъ Сенату о воспитаніи 200 благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ при Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. «Для пользы *всего государства*, — говорится въ немъ, — учреждены разныя воспитательныя училища для благороднаго юношества на казенномъ иждивеніи; равное имѣя попеченіе о *благородныхъ дѣтцахъ*, восхотѣли мы учредить *такое-же воспитаніе*... Повелѣваемъ Сенату разослать (уставъ) по всемъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ, дабы, вѣдая о семъ новомъ учрежденіи, каждый *изъ дворянъ* могъ дочерей своихъ въ младенческихъ лѣтахъ препоручить сему отъ насъ учрежденному воспитанію».

Такимъ-то образомъ сопровождалось основаніе перваго женскаго института въ Россіи, который сталъ слыть подъ именемъ *Смольнаго монастыря*, а на официальномъ языкѣ *Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ*.

По уставу, выработанному Бецкимъ, чтобы создать новую породу матерей, вѣтъ всякаго соприкосновенія съ тогдашней дворянской семьей, признанной государствомъ неспособною дать надлежащее воспитаніе своимъ дѣтямъ, — весь воспитательный періодъ дѣвочки раздѣленъ былъ на четыре класса или возраста; въ каждомъ дѣти просижи-

---

стырь, при которомъ въ 1764 году и былъ открытъ институтъ для дѣвицъ. Замѣчательно, что въ продолженіе столѣтняго существованія Смольный находился подъ высокимъ покровительствомъ четырехъ императрицъ: Екатерины II Великой (1764—1796), Маріи Феодоровны (1796—1828), Александры Феодоровны (1828—1860) и Маріи Александровны (1860—1880) и подъ управленіемъ также только четырехъ начальницъ: де-Лафонъ, Пальменбахъ, фонъ-Адлербергъ и М. Н. Леонтьевой. Волѣ чѣмъ по 25 лѣтъ управляли заведеніемъ де-Лафонъ и Леонтьева.

вали по три года, и всѣ переходили изъ класса въ классъ, несмотря на степень познанія въ наукахъ. Родители или родственники, опредѣливъ дѣвицу, должны были дать письменное обязательство въ томъ, что они, до истеченія 12-ти-лѣтняго срока, ни подъ какимъ видомъ обратно требовать не стануть. Въ первомъ возрастѣ (отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ) для ученья назначались катихизисъ, російскій и иностранный языки, ариѳметика, рисованіе, танцованіе, музыка вокальная и инструментальная, шитье и вязанье всякаго рода; во второмъ (отъ 9 до 12 лѣтъ) къ этому прибавлялась географія съ исторіей и нѣкоторая часть экономіи и домостроительства; въ третьемъ (отъ 12 до 15 лѣтъ) прибавлялось чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ, часть архитектуры и геральдики, какъ науки, необходимой для развитія чувства чести въ благородномъ званіи; въ четвертомъ возрастѣ (отъ 15 до 18 лѣтъ) назначалось дѣвицамъ «повторить ученіе одною практикою». Большую часть времени онѣ должны были употреблять на другія занятія: «дежурить понедѣльно по хозяйству, вести записку расходамъ, договариваться съ поставщиками о припасахъ, каждую недѣлю дѣлать расчетъ и при себѣ производить платежъ, опредѣлять цѣну всякому товару по его качеству, смотрѣть, чтобы во всемъ наблюдаемъ былъ совершенный порядокъ и чистота». Кромѣ того, по двѣ дѣвицы должны были каждый день дежурить въ другихъ классахъ какъ помощницы учительницы: «И отъ сей практики навикнуть заблаговременно, какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ, и въ собственномъ своемъ воспитаніи найдутъ себѣ великое вспоможеніе въ какомъ-бы состояніи имъ жить ни случилось».

Центральными предметами обученія являлись французскій языкъ, танцы и музыка, какъ приличествуетъ свѣтскимъ барышнямъ благороднаго сословія, рукодѣлія и домоводство, какъ необходимыя для будущихъ хозяекъ. Говорили чаще на французскомъ языкѣ, чѣмъ на русскомъ; даже исторія и географія преподавались на французскомъ языкѣ. Родной языкъ былъ въ пренебреженіи; ариѳметикѣ давалась очень незавидная роль: предписывалось обучать этой наукѣ благородныхъ дѣвицъ съ тою единственною цѣлью, чтобы «впредь содержать въ добромъ порядкѣ домашнюю экономію».

Для занятій съ воспитанницами назначались исключительно учительницы. Вмѣстѣ съ надзирательницами онѣ должны были быть всегда при дѣтяхъ, «съ утра до вечера». Общее и особенное вниманіе какъ начальницы, такъ и учительницъ и воспитательницъ было направлено преимущественно на физическое и нравственное воспитаніе. Подъ вліяніемъ идей Локка и Фенелона, инструкція по этой части, составленная Бецкимъ, и въ наше время можетъ выдержать

педагогическую критику. По мыслямъ Бецкаго, здоровая пища и хороший воздухъ суть главныя условія здоровья; за чистотою и опрятностью слѣдуетъ слѣдить неуклонно; воздержанность и работа суть лучшія лекарства для человѣка; съ этою цѣлью дѣвицы, особенно въ старшихъ классахъ, должны, по возможности, обходиться безъ прислуги и сами одѣваться, сами вязать себѣ чулки и шить платья. Труды соединялись съ играми, дабы сохранять въ дѣтяхъ силу, бодрость и веселость духа, столь нужную и для здоровья и для доброты сердца. Начальницамъ говорилось: «Хотя благоразуміе и искусство будутъ непремѣннымъ основаніемъ всѣхъ поступковъ начальницы, однако-же надлежитъ соединять ихъ съ кротостью, а иначе съ непринужденною веселостью, дабы симъ способомъ отвращать и отъ дѣвицъ и самый видъ всего того, что скукою, грустью или задумчивостью назваться можетъ». Строгость въ обращеніи съ дѣвицами вообще не допускалась: «Напрасно и не по важности вины употребляемая строгость бываетъ обыкновенно поводомъ къ преступленію, совершенно отвергаетъ порядокъ добраго воспитанія и приводитъ въ увывіе питомца». Главнымъ средствомъ исправленія провинившихся служило пристыженіе предъ цѣлымъ классомъ. Вообще-же предписывалось обращаться съ дѣвицами кротко, безпристрастно, «чтобы отъ самаго юношества и до возраста пріучаемы были къ добродѣтелямъ, учтивости, ласковымъ и пріятнымъ разговорамъ не только съ равными и съ самыми послѣдними, какого-бы званія кто ни былъ. Черезъ такое доброе поведеніе и поступки при первомъ ихъ въ свѣтъ вступленіи учинятся они отличными въ обществѣ», подъ которымъ надо понимать свѣтскія собранія, замѣнившія Петровскія ассамблеи.

Относительно внутренней жизни первыхъ институтокъ, мы находимъ указанія въ письмахъ самой Императрицы Екатерины II къ Вольтеру. Приводимъ, напр., отрывки изъ письма ея отъ 23-го марта 1772 года. «Ничто не можетъ быть полезнѣе для нашей обители, какъ ваше предложеніе. Дѣвицы наши играютъ комедіи и трагедіи: прошедшій годъ онѣ играли Заиру, на масляницѣ представляли Земару, русскую трагедію, самую лучшую изъ трагедій г. Сумарокова, о которомъ вы вѣрно ссылались. Вотъ какъ раздають имъ роли изъ театральныхъ пьесъ: онѣ говорятъ, что будутъ играть такую-то пьесу и спрашиваютъ, не хотятъ ли играть такую-то роль. Часто случается, что цѣлая компанія дѣвицъ выучиваетъ одну роль. Послѣ этого выбираютъ изъ нихъ ту, которая лучше всѣхъ представляетъ ее. Тѣ, которыя играютъ роли мужчинъ, надѣваютъ въ комедіяхъ роли длинныхъ фраговъ, называемыхъ у насъ модными. Въ трагедіяхъ легко можно одѣвать нашихъ героевъ сообразно съ пьесою и съ

ихъ состояніемъ. Роли стариковъ—самыя трудныя и играютъ очень худо: большой парикъ и палка не прибавляютъ лѣтъ молодости; эти роли до сихъ поръ были немного холодны. У насъ представляли въ нынѣшнюю масляницу прелестнаго Пентиметра, оригинальнаго Блеза, Курнильяхскую Удивительную Даму и много другихъ пьесъ.

Вообще, судя по различнымъ документамъ, напечатаннымъ въ «Хроникѣ» Р—ой *), первыя наши институтки проводили время довольно весело: то онѣ играли пьесы, то устраивали концерты, балеты, маскарады, во время которыхъ одѣвались обыкновенно весталками. Нерѣдко участвовали онѣ въ придворныхъ праздникахъ; иногда гуляли въ Лѣтнемъ саду, куда привозили ихъ по Невѣ въ разукрашенныхъ лодкахъ. Современники того времени пишутъ, что, по случаю посѣщенія смолянками Лѣтняго, любопытство публики было такъ велико, что вся набережная, весь Лѣтній садъ были буквально засыпаны народомъ. Однажды старшія дѣвицы были на балу у Бецкаго, который, сверхъ того, устраивалъ для нихъ различныя зрѣлища. Въ Смольномъ бывали и такого рода праздники: по случаю особенно радостныхъ дней во дворцѣ, дѣвицы кормили у себя нищихъ, раздавали имъ мелкую серебряную монету и куски полотна. Это дѣлалось для того, чтобы развить въ нихъ милосердіе и состраданіе къ бѣднымъ. На публичныхъ экзаменахъ дѣвицы обыкновенно говорили привѣтственныя рѣчи на французскомъ и русскомъ языкахъ, показывали свои работы: рукодѣлья, рисунки, архитектурные чертежи, образцы токарнаго и рѣзнаго искусства. Блескъ, роскошь и похвалы, которыми обыкновенно сопровождалась праздники въ Смольномъ, едва-ли гармонировали съ возвышенными идеями Бецкаго, направленными къ воспитанію скромныхъ труженицъ, будущихъ матерей семействъ, добрыхъ гражданокъ и вообще образованныхъ женщинъ.

Нельзя упрекнуть императрицу Екатерину II въ томъ, что она думала о воспитаніи только дворянскихъ дочерей. Съ основаніемъ Академіи Художествъ она мечтала образовать въ Россіи особое свободное сословіе, приравнивая его къ французскому tiers état; но для полноты необходимо было ввести въ это сословіе и женщинъ, воспитанныхъ подобнымъ-же образомъ. 13-го января 1765 года Императрица подписала новый указъ: «для пользы общества требуется, чтобы всякаго чина и женскій полъ воспитанъ былъ въ добронравіи и въ приличныхъ состоянію его знаніяхъ и рукодѣліяхъ. Въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ особливо отдѣльномъ строеніи, сугрединѣ

*) Нина Р—ая. «Хроника Смольнаго монастыря въ царствованіе Императрицы Екатерины II» Спб. 1864 г.

училище для малолѣтнихъ дѣвушекъ (мѣщанскаго званія) подъ управленіемъ главной начальницы и правительницы (Общества благородныхъ дѣвицъ)... дабы благоустроеннымъ воспитаніемъ обоего пола юношества произвелось новое порожденіе, отъ котораго-бы пріямые правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли».

Такимъ образомъ явилось Мѣщанское отдѣленіе при Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Главныя основанія физическаго и нравственнаго воспитанія и тамъ полагались тѣ-же. Принимались только шестилѣтнія дѣвочки и воспитывались до восемнадцатилѣтняго возраста. Раздѣлялись онѣ также на четыре класса. Обучались Закову Божію, русскому и иностраннымъ языкамъ, ариѳметикѣ, рисованію, танцамъ, рукодѣлію, музыкѣ и пѣнію, если къ нимъ оказывались способности. Кромѣ того, пріучались «къ домохозяйству», т.-е. къ хозяйству, и въ четвертомъ классѣ должны были быть употребляемы ко всякимъ женскимъ рукодѣліямъ и работамъ, т.-е. «шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю службу экономическую исправлять». Довольно странная судьба ожидала этихъ свободныхъ гражданокъ по окончаніи курса: однѣ изъ нихъ выдавались замужъ за мелкихъ чиновниковъ, художниковъ и придворныхъ лакеевъ, другія поступали въ услуженіе въ Общество благородныхъ дѣвицъ за определенное жалованье, третьи оставались въ мѣщанскомъ отдѣленіи до 21-го года, когда выпускались на волю съ аттестатомъ.

По кончинѣ Императрицы Екатерины II покровительницею Смольнаго становится незабвенная Марія Ѳеодоровна, управлявшая институтомъ съ 1796 по 1828 годъ. Гуманная, великодушная, прививавшая близко къ сердцу интересы дѣтей и ихъ родителей, Императрица Марія Ѳеодоровна не могла не замѣтить, что система воспитанія Бецкаго, по теоріи обѣщавшая много, въ практикѣ жизни далеко не оправдывалась. Дѣти, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, совершенно оторванные на 12 лѣтъ отъ своихъ семействъ, не могли развить въ себѣ святыхъ чувствъ семейной любви къ родителямъ и къ своимъ кровнымъ роднымъ, дѣлались напыщенными, холодными, сухими по сердцу. Не соприкасаясь нисколько съ обществомъ, онѣ оставались въ невѣдѣніи всѣхъ общественныхъ условій, а потому пріобрѣтали ложный взглядъ на свои отношенія къ семьѣ и обществу; не находя, по выходѣ изъ заведенія того, чего ожидали, онѣ становились какъ-бы чужими, разочарованными, бессильными. Вотъ почему Марія Ѳеодоровна старалась, насколько могла, хотя отчасти ввести, или, по крайней мѣрѣ, усилить семейное начало въ воспитаніи институтокъ. Съ этою цѣлью она сократила срокъ пре-

быванія дѣвиць съ 12 на 9 лѣтъ, раздѣливъ ихъ на три трехлѣтніе класса: кофейный, голубой и бѣлый; дѣвочекъ стали принимать не съ 6-ти, а 9—10-ти-лѣтняго возраста; были допущены свиданія институтокъ съ родителями и родственниками въ опредѣленные дни и часы, хотя и не иначе, какъ въ общей залѣ, въ присутствіи классныхъ дамъ; многія малознающія учительницы были замѣнены учителями съ университетскимъ образованіемъ; было обращено вниманіе на тщательный выборъ классныхъ дамъ, отъ которыхъ требовалось материнское отношеніе къ дѣвицамъ; на каждую классную даму возлагалось воспитаніе не болѣе 20—30 дѣвиць. Но, при всѣхъ добрыхъ желаніяхъ Императрицы, могла-ли мать такого огромнаго семейства дѣлить свою любовь поровну между всѣми?.. Въ 1803 г. при Обществѣ благородныхъ дѣвиць были учреждены пепиньеры. Это были бѣднѣйшія и лучшія воспитанницы, которыя по окончаніи курса оставались еще на годъ въ заведеніи, получая жалованье по 200 р. въ годъ и готовясь въ гувернантки. И мѣщанское училище при новой высокой покровительницѣ подверглось коренному преобразованію. По окончаніи войны 1812 г. осталось много сиротъ. Надобно было позаботиться и о нихъ. И вотъ, въ 1814 году, по волѣ Маріи Θεодоровны, стали принимать въ мѣщанское отдѣленіе дочерей военныхъ до чина подполковника; срокъ пребыванія въ немъ ограниченъ 6-ю годами; пепиньеры заведены и при военно-мѣщанскомъ отдѣленіи.

Въ 1828 году, въ годъ кончины Маріи Θεодоровны, общее число учениць въ Смольномъ доходило уже до 648, не включая сюда 11 пепиньерокъ Общества и 8—училища. Изъ этого числа въ Обществѣ благородныхъ дѣвиць воспитывались 355, изъ которыхъ 205 содержались на казенный счетъ, а остальные—на суммы, пожертвованныя членами Императорской фамиліи, частными лицами или на счетъ родителей. Всѣ воспитанницы дѣлились на три возраста или класса: въ младшемъ—кофейномъ—было 150 дѣвиць, въ среднемъ—голубомъ—153, а въ старшемъ—бѣломъ—152. Число воспитанницъ военнаго или бывшаго мѣщанскаго отдѣленія доходило до 293, изъ коихъ 200 были казенными пансіонерками. Раздѣлялись онѣ на два класса: младшій состоялъ изъ 140, а старшій изъ 153 дѣвиць. Доходъ заведенія въ 1828 г. простирался до 642.000, расходъ до 632.000 р. *).

Здѣсь кстати упомянуть, что сердобольная и просвѣщенная Императрица Марія Θεодоровна заботилась не объ одномъ только Смольномъ институтѣ. Такъ, въ 1797 г. она открываетъ въ Петербургѣ

*) В. И. Лядовъ. «Историческій очеркъ столѣтней жизни Смольнаго». Спб. 1864 г.

на собственные средства сиротское училище на 50 бѣднѣйшихъ сиротъ мѣщанскаго сословія, вскорѣ затѣмъ названное Маріинскимъ институтомъ. Въ 1798 г. она основывается въ Петербургѣ училище для дѣвицъ оберъ-офицерскаго званія, а въ 1802 г.—такое-же въ Москвѣ. Оба они впоследствии названы были училищами ордена Св. Екатерины или Екатерининскими институтами.

При третьей покровительницѣ Смольнаго, Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ (1828—1860 г.), какъ Смольный, такъ и прочіе институты подверглись также значительному преобразованію, особенно въ 40-хъ—50-хъ годахъ, когда на институтское образованіе было обращено особенное вниманіе. Измѣнена была цѣль образованія, усилена учебная часть. Въ новомъ положеніи и инструкціи высказываются уже такія мысли: «Цѣль женскаго воспитанія состоитъ въ образованіи *добрыхъ женъ* и полезныхъ матерей семействъ, чтобы съ образованіемъ, въ надлежащей мѣрѣ, *ума и сердца* воспитанницы могли приготовляться къ будущему ихъ важному назначенію». «Чѣмъ болѣе укрѣплены добродѣтели, тѣмъ легче управленіе государствами: кому же распространять область добра, какъ не женщинѣ, супругѣ, матери дѣтей, которая часто одна своимъ примѣромъ и нравственнымъ вліяніемъ можетъ облагородить цѣлое семейство. Вотъ *исключительное* ея назначеніе». Но «по предназначенію женщины не для службы государственной или общественной, подобно мужчине, но для ученаго поприща, а для круга семейнаго, и самое воспитаніе и образованіе дѣвицы должны быть направлены къ иной цѣли, чѣмъ воспитаніе мужчины». Согласно съ такими взглядами, преподавателю исторіи предписывалось обращать вниманіе на всѣ случаи исторіи, когда женщины предстали высокіе примѣры добродѣтели, патриотизма и самоотверженія супруги и матери. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ указывать «на важность значенія дворянства въ Россіи, исключительнаго имѣющаго право владѣть крестьянами, коихъ участь ему вѣрена и для которыхъ помѣщикъ долженъ быть *отцомъ*, а помѣщица *матерью*».

Хотя французскій языкъ и во новомъ положеніи долженъ былъ сдѣлаться вторымъ роднымъ языкомъ воспитанницъ, «ибо таковой сдѣланныхъ перъ сдѣлался для лицъ женскаго пола языкомъ *обычнымъ*, какъ-бы *официальнымъ*», но, требуя совершеннаго знанія французскаго языка, какъ общаго, новая программа взяла подъ свое покровительство и отечественный языкъ, которымъ не очень-то дорожили прежде. «Отечественный языкъ долженъ быть извѣстенъ каждому русскому во всей полнотѣ, — высказываетъ инструкція; — но какъ къ сожалѣнію, правильное изученіе оного, въ особенности у лицъ женскаго пола высшаго круга общества, доселѣ еще недостаточнѣе».

развито, то надобно стараться, чтобы будущее поколѣніе исправило сей важный недостатокъ и стыдилось-бы не знать своего языка родного, тогда какъ малѣйшая ошибка на языкѣ французскомъ почитается знакомъ необразованности *).

По новому уставу, единоличное управленіе женскими институтами начальницами было замѣнено коллективнымъ—мѣстнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ трехъ лицъ: начальницы, которой ввѣренъ былъ общій надзоръ за нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ дѣвицъ, члена по учебной части, слѣдившаго за развитіемъ умственного образованія, члена по хозяйственной части—за правильнымъ расходоуваніемъ суммъ. Оба члена назначались высочайшею властью изъ высшихъ сановниковъ государства. Непосредственное-же наблюденіе за преподаваніемъ учителей было поручено инспектору. Въ то время инспекторомъ былъ извѣстный педагогъ Тимаевъ, который, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ Буссе и Ободовскимъ былъ посланъ еще при Императорѣ Александрѣ I для ознакомленія на мѣстѣ съ Песталоцциевскимъ институтомъ.

Специализація и замкнутость женскаго образованія остались нетронутыми, и даже еще болѣе усилились. Въ Общество благородныхъ дѣвицъ, какъ самый древнѣйшій и высшій разсадникъ женскаго образованія, дозволялось принимать дочерей лицъ, имѣющихъ чины не ниже полковника или статскаго совѣтника, или потомственныхъ дворянъ, внесенныхъ въ пятую или шестую часть дворянской родословной книги; въ бывшее мѣщанское училище—дочерей лицъ отъ чина полковника и коллежскаго совѣтника до штабсъ-капитана и титулярнаго совѣтника, равно протоіерея, священниковъ и евангелическихъ пасторовъ, или дочерей дворянъ, внесенныхъ въ третью часть дворянской книги. Такимъ образомъ, при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ мѣщанское училище совершенно утратило свой демократическій характеръ и стало называться С.-Петербургскимъ Александровскимъ училищемъ или Александровской половиной Смольнаго, въ память совершившейся въ 1842 г. годовщины бракосочетанія покойнаго Государя Императора Александра II Николаевича, тогда какъ Воспитательное Общество звали Николаевской половиной—въ честь Императора Николая I Павловича. Въ 1847 году при Александровскомъ училищѣ былъ организованъ Тимаевымъ специальный классъ изъ 30 воспитанницъ для приготовленія изъ нихъ домашнихъ учительницъ. Къ концу жизни Императрицы Александры Ѳеодоровны Смольный представлялъ уже огромный, совершенно замкнутый интер-

*) В. Я. Стоюнинъ. «Педагогическія сочиненія». Ст. «Образованіе русской женщины». Спб. 1892.

вать въ 700 дѣвиць, не имѣвшій никакого сношенія съ внѣшнимъ міромъ, а этотъ міръ былъ уже наканунѣ величайшихъ реформъ Царя-Освободителя. Въ такомъ видѣ приняла Смольный подъ свое августѣйшее покровительство молодая Императрица Марія Александровна.

II.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о Маріинской женской гимназіи *), я уже писалъ, какъ тепло относилась молодая Императрица къ поднятію образованія русской женщины, къ какой-бы средѣ та ни принадлежала, какъ она стремилась къ восстановленію естественной связи семьи со школою, съ какимъ чувствомъ умиленія она привѣтствовала открытіе въ Петербургѣ первой женской гимназіи, возникшей въ 1858 г. подъ именемъ Маріинскаго училища для приходящихъ дѣвиць. Августѣйшая покровительница женскаго образованія въ Россіи не могла не обратить своего высокаго вниманія и на женскіе институты, застывшіе въ своихъ стѣнахъ и учебныхъ программахъ, съ мертвящимъ схоластическимъ преподаваніемъ, отторгнутые отъ всякаго соприкосновенія съ семьей и обществомъ. Добрая императрица-мать пожелала пролить лучъ свѣта образованія болѣе широкаго и болѣе современнаго и въ среду институтокъ, оживить преподаваніе, открыть институткѣ болѣе свободный выходъ въ родную среду, реорганизовать весь устарѣлый учебный строй на педагогическихъ началахъ, выработанныхъ наукою и опытомъ. Она задумала начать преобразование институтовъ со Смольнаго, какъ со старѣйшаго института. Для осуществленія своихъ благихъ намѣреній она нашла въ Гатчинѣ человѣка, котораго лично узнала и оцѣнила. Это былъ Константинъ Дмитриевичъ Ушинскій.

К. Д. Ушинскій получилъ высшее юридическое и философское образованіе въ Московскомъ университетѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ самое цвѣтущее время, когда въ университетѣ читали лекціи Гравовскій и Рѣдвинъ. Любимый профессоръ Ушинскаго—П. Г. Рѣдвинъ и натолкнулъ молодого ученаго на педагогическую дорогу. При его содѣйствіи Ушинскій, по окончаніи курса вторымъ кандидатомъ, въ 1844 г. получилъ кафедру въ Ярославскомъ лицей по предметамъ законовѣдѣнія, государственнаго права и науки о финансахъ. По рассказамъ его учениковъ, К. Д. Ушинскій читалъ увлекательно, слушатели приходили въ восторгъ отъ его лекцій, аудиторія его была всегда полна. Это возбудило зависть въ старыхъ профессорахъ и недружелюбное отношеніе большинства членовъ Совѣта

*) «Русская Школа» 1892 г.

лица къ несговорчивому и неосторожному на словахъ новому преподавателю. Отъ него потребовали подробнѣйшихъ программъ каждой лекціи, именъ авторовъ, на которыхъ будетъ ссылаться, даже цитать, которыя будетъ приводить въ своихъ лекціяхъ, а Ушинскій доказывалъ Совѣту, что «педагогическое дѣло невозможно связывать такими формальностями, что преподаватель долженъ имѣть въ виду только науку и своихъ слушателей, что дѣлать весь свой курсъ на часы и минуты значить совершенно убить живое преподаваніе, а на такое убійство не отважится ни одинъ честный преподаватель». На подобную-же тему горячій идеалистъ и нетактичный въ жизни Ушинскій произнесъ на публичномъ актѣ рѣчь—и въ 1850 году долженъ былъ разстаться съ лицеемъ. Обиженный, разочарованный, безъ средствъ, безъ денегъ, Ушинскій переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ ему удалось получить мѣсто мелкаго чиновника въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій, на 400 руб. въ годъ жалованья. Чиновникомъ бывший профессоръ оказался плохимъ, да и товарищи по службѣ не влюбились новичка за его остроты, а потому все свободное время онъ посвящалъ ревностному изученію англійскаго языка, философіи и землѣвѣдѣнія Карла Риттера, которое заинтересовало его въ особенности тѣмъ, что ученый нѣмецъ настойчиво проводилъ въ немъ взаимодействіе силъ природы и тѣсную зависимость человека отъ окружающей природы. А тутъ случай свелъ его съ хорошенькой институткой, другомъ дѣтства, землячкой, дочерью помѣщика, сосѣда по маленькому имѣнію отца, Н. С. Дорошенко, и Ушинскій женился. Теперь надо было добывать хлѣбъ для семьи. И К. Д. Ушинскій съ жаромъ предается литературной дѣятельности. Онъ скоро работалъ, владѣлъ литературнымъ языкомъ, писалъ увлекательно, и тогдашніе общелитературные журналы заваливали его срочной работой. Онъ писалъ всевозможныя статьи—и критическія, и переводныя, и компилятивныя, и небольшіе оригинальные очерки. Его талантливо написанный рассказъ «Поѣздка на Волховъ» былъ замѣченъ даже Тургеневымъ. Но эта работа журнальнаго *сотрудника чернорабочаго* не могла удовлетворить Ушинскаго, сбитаго съ надлежашаго пути.

Настали другія времена. Русское общество, оскорбленное и униженное предшествовавшими неудачами крымской войны, съ какой-то лихорадочной страстностью само казнило себя безпощадными обвиненіями, но не приходило въ отчаяніе; оно сознавало въ себѣ нравственныя силы и возлагало надежды на молодое поколѣніе, которое нужно было воспитать иначе. Появился педагогическій журналъ Чушкова «Воспитаніе», который проводилъ новыя взгляды на воспитаніе. Увлекся новыми идеями и К. Д. Ушинскій; въ бывшемъ про-

Фессоръ снова проснулась жажда къ педагогической дѣятельности. Мечта его скоро осуществилась. Въ 1855 г., по желанію почетнаго опекуна графа Ланского, онъ становится сначала преподавателемъ словесности, а вскорѣ затѣмъ и инспекторомъ Гатчинскаго сиротскаго института.

Ушинскій сознавалъ всю безпомощность своего новаго положенія, къ которому раньше былъ вовсе не подготовленъ. Но такъ бываетъ въ жизни: кто настойчиво стремится къ опредѣленной цѣли, тому навстрѣчу идутъ и благопріятныя обстоятельства. Такъ было и съ Ушинскимъ. Въ 1856 г. появляются въ печати знаменитые «Вопросы жизни» Н. И. Пирогова, которые пошатнули всѣ наши прежнія понятія о воспитаніи. Со словъ Пирогова всѣ заговорили, что надо перевоспитать самихъ себя, воспитать прежде всего въ каждомъ юношѣ, будь то мужчина или женщина, идею «быть человѣкомъ», а потомъ уже предоставить готовиться къ той или другой профессиональной дѣятельности. «Вопросы жизни» и были первою педагогическою школою для К. Д. Ушинскаго. Потомъ какъ-то Старчевскій, редакторъ «Библиотеки для Чтенія», въ которой Ушинскій продолжалъ сотрудничать, нашелъ въ нѣсколькихъ нумерахъ англійскаго журн. «Athenaeum» интересную статью объ образованіи и воспитаніи, и тотчасъ-же послалъ его Ушинскому въ Гатчину, прося поскорѣе перевести статью для русскаго журнала. Спустя нѣсколько дней, является къ нему Ушинскій въ какомъ-то необыкновенномъ экстазѣ и первыми его словами были: «Ахъ, Альбертъ Викентьевичъ, что вы со мной сдѣлали! Зачѣмъ прислали ко мнѣ статью объ американскомъ воспитаніи! Вращаясь постоянно въ училищномъ кругозорѣ, ознакомившись поближе съ дѣтьми, которыхъ надо развивать, учить и воспитывать, я, по прочтеніи «Athenaeum», не могъ спать нѣсколько ночей. Статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, въ моихъ убѣжденіяхъ. Онѣ подняли въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію, навели меня на многія совершенно новыя мысли, которыя, безъ этихъ статей, пожалуй, никогда не пришли-бы мнѣ въ голову. Я не знаю, что я сдѣлаю, но я рѣшился посвятить себя съ этого дня *исключительно педагогическимъ вопросамъ* *)». И дѣйствительно, съ этого времени (1856 г.) педагогическія идеи такъ овладѣли всею душою Ушинскаго, что онъ сталъ писать статьи исключительно педагогическаго характера.

А вотъ еще одно знаменательное обстоятельство, которое еще болѣе содѣйствовало педагогическому самообразованію Ушинскаго и окончательно опредѣлило его педагогическое призваніе. Но буду го-

*) «Русск. педаг. дѣятели». К. Д. Ушинскій, В. П. Острогорскаго.

ворить словами самого К. Д. «Помню я, какъ, поступивъ на службу въ одно учебное заведеніе и осматривая его библіотеку, довольно многотомную, нашелъ я цѣлый шкафъ съ медицинскими книгами, хотя въ этомъ заведеніи никогда не учили медицинѣ. Ихъ пожертвовалъ одинъ купецъ, которому они достались по наслѣдству. Наконецъ, смотрю, стоятъ два шкафа, запыленные, почернѣлые, запечатанные. Видно по всему, что ихъ лѣтъ 20 не отпирали. Прошу отворить и нахожу очень полное собраніе педагогическихъ книгъ. Это было въ первый разъ, что я видѣлъ собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ и, Боже мой! отъ сколькихъ-бы грубыхъ ошибокъ былъ-бы избавленъ я, если-бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ поступилъ на педагогическое поприще! Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, былъ необыкновеннымъ у насъ человѣкомъ. Это едва-ли не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько-же и поплатился онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ нѣсколько лѣтъ приводить свои идеи въ исполненіе: но вдругъ обстоятельства измѣнились—и бѣднякъ-мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школой, педагогическими идеями. Не даромъ-же послѣ него закрыли и запечатали его опасное наслѣдство. Разбирая эти книги, исписанныя по краямъ одною и тою-же мертвою рукою, я думалъ, лучше было-бы, если-бы онъ жилъ въ настоящее время, когда уже научились лучше цѣнить педагоговъ и педагогическія идеи» *). Эта дорогая для Ушинскаго находка принадлежала Гугелю, который былъ инспекторомъ Гатчинскаго института лѣтъ за 20—25 до К. Д. Въ Гатчинскомъ институтѣ Ушинскій пробылъ очень недолго,—всего только четыре года. Здѣсь не могла еще вполне развернуться его педагогическая дѣятельность; здѣсь онъ только учился быть педагогомъ; здѣсь формировались его педагогическія убѣжденія; онъ набирался здѣсь научныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ для болѣе широкой дѣятельности, предстоящей впереди. Но за-то здѣсь-же К. Д. имѣлъ счастье обратить на себя особенное вниманіе императрицы, живо интересовавшейся педагогическими вопросами. Ея Величество, во время пребыванія въ Гатчинѣ, часто посѣщала институтъ и подолгу бесѣдовала съ К. Д., а говорилъ онъ красно, увлекательно, убѣдительно. К. Д. передавалъ мнѣ, что педагогическія бесѣды возобновлялись въ Гатчинскомъ паркѣ во время

*) См. ст. К. Д. Ушинскаго въ «Собраніи его сочиненій». — «Педагогическая поѣздка въ Швейцарію».

случайныхъ встрѣчъ. Предметомъ бесѣдъ главнымъ образомъ было обученіе и воспитаніе покойнаго Наслѣдника. Впослѣдствіи Ушинскому поручено было даже писать письма о воспитаніи Наслѣдника русскаго престола *). И вотъ, когда открылось мѣсто инспектора Смольнаго института, Императрица сама указала Министру Народнаго Просвѣщенія Нореву, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ членомъ Совѣта института по учебной части,—на Ушинскаго, какъ на лицо, могущее выполнить ея благія предначертанія по преобразованію учебнаго дѣла въ Смольномъ. Съ юношескимъ жаромъ и увлеченіемъ принялся Ушинскій за реформу учебной организаціи института. Онъ поступилъ въ Смольный въ концѣ 1859 г., а черезъ три недѣли послѣ изумительно-лихорадочной работы проектъ преобразованія уже былъ готовъ. Только одинъ Ушинскій, облеченный полнымъ довѣріемъ Государыни, могъ безпрестанно напоминать принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому о скорѣйшемъ утвержденіи проекта ка ждый разъ когда Его Высочество посѣщалъ институтъ. Я самъ слышалъ такой разговоръ:

— А что-же проектъ? Когда-же онъ будетъ наконецъ утверждать, Ваше Высочество?

— Нельзя торопиться. Вы задумали дѣло важное; надо его обсудить со всѣхъ сторонъ въ Главномъ Совѣтѣ; потомъ надо составить въ канцеляріи докладъ на Высочайшее имя. На все надо время,—отвѣчалъ милостиво принцъ.

— Я составилъ проектъ въ три недѣли, а обсудить и составить докладъ можно въ три дня,—довольно запальчиво произнесъ Ушинскій.—Я уже пригласилъ новыхъ учителей, у насъ и программы уже готовы. У меня связаны руки. Я ничего не могу предпринять...

— Ну, не сердитесь, не сердитесь, горячій и нетерпѣливый реформаторъ. Я велю поспѣшить,—замѣтилъ, шутя, принцъ.

И дѣйствительно, проектъ Ушинскаго, согласно съ мнѣніемъ Главнаго Совѣта, былъ утвержденъ Государыней Императрицей 27-го февраля 1860 г., въ видѣ опыта, на полный семилѣтній курсъ, а уже 12-го апрѣля въ учебной организаціи Смольнаго былъ введенъ новый порядокъ.

Сущность реформы К. Д. сводилась къ четыремъ главнымъ основаніямъ: 1) замѣнить 9-ти-лѣтній курсъ 7-ми-лѣтнимъ; 2) вмѣсто трехъ классовъ устроить 7; 3) сдѣлать новое распредѣленіе учебныхъ предметовъ по классамъ; 4) составить новыя учебныя программы.

*) Въ моей семьѣ, какъ святыня, долго сохранялись четыре такихъ письма, написанныхъ рукою Ушинскаго, но при переѣздѣ моемъ на Кавказъ, во время суматохи, они куда-то исчезли.

Первая мѣра, по мнѣнію Ушинскаго, была полезна въ томъ отношеніи, что воспитанницы, получая достаточное образованіе въ 7 лѣтъ, двумя годами ранѣе возвращались въ родную семью, которую никакое учебное заведеніе замѣнить не можетъ.

Вторая мѣра служила ручательствомъ лучшихъ успѣховъ дѣвицъ. До Ушинскаго порядокъ былъ такой: воспитанницы, по окончаніи каждаго трехлѣтняго курса, въ полномъ составѣ переходили въ слѣдующій также трехлѣтній классъ, не смотря на то, были-ли дѣвицы достаточно подготовлены, или нѣтъ; да и въ самомъ дѣлѣ, нельзя-же было неуспѣвающую воспитанницу оставлять въ томъ-же классѣ на цѣлыхъ шесть лѣтъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого обычая было то, что малоуспѣвшія въ низшемъ классѣ, въ старшемъ успѣвали еще меньше и выходили изъ заведенія съ самыми ничтожными и поверхностными знаніями, а нѣкоторыя и безъ всякихъ знаній, за исключеніемъ лишь французскаго языка, танцевъ и хорошихъ манеръ. При устройствѣ-же семилѣтняго курса и при ежегодныхъ экзаменахъ и переходахъ изъ класса въ классъ, мало успѣвшія воспитанницы могли быть оставляемы еще на годъ въ томъ-же классѣ и такимъ образомъ имѣли возможность пополнить пробѣлы въ своихъ знаніяхъ.

Распредѣленіе учебныхъ предметовъ по отдѣльнымъ классамъ было обосновано Ушинскимъ на принципѣ строгой педагогической постепенности, *non multum sed multa*. Такъ, въ самомъ низшемъ, седьмомъ классѣ положено было преподавать Законъ Божій, русскій языкъ съ предметными уроками, французскій языкъ и ариѳметику; но за-то каждый предметъ имѣлъ много уроковъ, а чѣмъ меньше предметовъ и чѣмъ больше часовъ на каждый предметъ, тѣмъ такіе предметы легче и основательнѣе усваются дѣтьми, особенно малолѣтними. Въ VI классѣ къ упомянутымъ предметамъ присоединялась географія, въ V—нѣмецкій языкъ, въ IV—исторія и естествовѣдѣніе, въ III—физика, во II и I—литература всеобщая и русская.

Родной языкъ былъ поставленъ центральнымъ предметомъ, какъ прежде французскій. На немъ читались все учебные предметы. Для русскаго языка полагалось въ недѣлю въ VIII классѣ 5 уроковъ, въ VI—4; тогда какъ раньше въ младшемъ возрастѣ на русскій языкъ отводилось лишь 3 урока въ недѣлю: «Учитель русскаго языка,— пишетъ Ушинскій,— не можетъ ограничиться однимъ преподаваніемъ грамматики, а долженъ имѣть въ виду *общее развитіе* учащихся. Онъ долженъ прежде всего сообщить ученицѣ *ясное и правильное понятіе* объ окружающихъ предметахъ, что очень рѣдко приносится ребенкомъ въ школу, научить его *разсуждать* о знакомыхъ ему предметахъ и правильно *выражать свои мысли*. Такимъ способомъ развивается въ

ученицахъ любовь и способность къ учению и тѣмъ облегчается дѣло преподавателей въ слѣдующихъ классахъ». Для достиженія на практикѣ намѣченной цѣли, Ушинскій ввелъ въ двухъ низшихъ классахъ предметные уроки и составилъ извѣстный всѣмъ «Дѣтскій міръ», который впоследствии получилъ такое широкое распространеніе. Въ среднихъ классахъ мертвую реторику и піитику Ушинскій замѣнилъ классными разборами самыхъ произведеній художественныхъ, не только русскихъ, но и иностранныхъ, чтобы уже на нихъ строить теоретическіе выводы, а въ послѣднемъ классѣ однимъ изъ наиболѣе способствующихъ эстетическому развитію женщины предметовъ поставилъ исторію отечественной литературы, не исключая и Гоголя, который до того считался въ институтѣ запретнымъ и грязнымъ писателемъ, неудобнымъ для чтенія великосвѣтскими барышнями.

Математическимъ наукамъ Ушинскій не придавалъ первенствующаго значенія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ смотрѣлъ на ариметику, какъ на предметъ весьма важный, развивающій логическое мышленіе, но, по его мнѣнію, «исключительное занятіе математикой кладетъ иногда на человѣка особенный отпечатокъ, сообщая его мыслямъ математическую прямолинейность, дѣлаетъ его взгляды на жизнь односторонними, придаетъ имъ какую-то особенную сухость и безжизненность», чего онъ не хотѣлъ видѣть въ женщинѣ. Тѣмъ не менѣе, преподаваніе этого предмета, по словамъ Ушинскаго, должно начинаться съ того, чѣмъ до сихъ поръ оно обыкновенно кончалось. Дѣвицы прежде всего должны пріобрѣсти наглядныя понятія объ измѣреніяхъ, потомъ заняться именованными числами и отъ нихъ уже перейти къ упражненіямъ надъ числами отвлеченными. «Если въ женскихъ заведеніяхъ изученіе ариметики идетъ вяло и скучно, писалъ Ушинскій, то причина этого заключается въ отвлеченности изложенія арифметическихъ правилъ. Если-же и въ ариметикѣ дитя перейдетъ отъ нагляднаго къ отвлеченному и отъ практики къ теоріи, то нѣтъ сомнѣнія, что эта теорія будетъ усвоена имъ навсегда и безъ скуки. Ариметикѣ слѣдуетъ учить такъ, чтобы нельзя было ее позабыть; въ противномъ случаѣ, она бесполезна, потому что хозяйственные счеты ведутъ очень хорошо и тѣ, кто никогда не учился ариметикѣ».

Напротивъ, *географіи* Ушинскій отводилъ очень видное мѣсто въ женскихъ заведеніяхъ, какъ наукѣ, ассоціирующей знанія изъ другихъ наукъ, развивающей въ дѣтяхъ наблюдательность относительно окружающихъ явленій природы и жизни человѣка, заставляющей ихъ улавливать взаимодѣйствіе и гармонію силъ природы, тѣсную зависимость чередою. Отъ учителя географіи онъ требовалъ постоянного употребленія при преподаваніи наглядныхъ пособій и географическихъ кар-

тинъ, черченія картъ, чтенія живыхъ отрывковъ, увлекательныхъ описаній и рассказовъ, чтобы тѣмъ воспитывать въ дѣвицахъ правильное воображеніе.

Онъ даже мечталъ о гармоническомъ соединеніи преподаванія географіи съ исторіей и естественными науками. Центральнымъ предметомъ должна, по его мнѣнію, служить географія: естественныя науки даютъ ей матеріалъ, а исторія на ней строится. «Желаніе такого соединенія предметовъ,—доказывалъ Ушинскій,—основано на томъ психическомъ законѣ, что душа наша особенно легко, ясно и прочно усваиваетъ то, что воспринимаетъ черезъ органъ зрѣнія и, вслѣдствіе того, можетъ всегда представить себѣ въ видѣ картины. Историческое происшествіе, которое совершается въ извѣстной мѣ мѣстности, съ извѣстной обстановкой, ходъ котораго я могу провести по картѣ, врѣзывается въ мою душу гораздо прочнѣе и вызывается изъ нея гораздо легче, чѣмъ то, которое совершается для меня на воздухѣ, въ какихъ-то неопредѣленныхъ пространствахъ. Съ другой стороны, живое представленіе страны возможно только тогда, когда я живо и вѣрно могу себѣ вообразить тѣ формы земной поверхности, тѣ естественныя явленія и естественныя произведенія, соединеніе которыхъ и составляетъ характеръ данной страны. Вотъ почему полезно было-бы такъ вести курсъ географіи, исторіи и естествовѣдѣнія, чтобы эти предметы шли рука объ руку, поддерживая, пополняя и оживляя другъ друга, и дружно строили въ душѣ воспитанницы прочное зданіе яснаго, живого и вѣрнаго міросозерцанія». Хотя для такого преподаванія географіи нужны были спеціально подготовленные учителя и особенно составленные учебники, тѣмъ не менѣе географія при Ушинскомъ занимала въ Смольномъ выдающееся мѣсто, преподавалась полно и интересно для дѣвицъ.

Естествовѣдѣніе и физика должны были преподаваться не иначе, какъ съ помощью живыхъ экземпляровъ, моделей, чучель, рисунковъ, приборовъ и опытовъ, между тѣмъ прежде l'histoire naturel et physique слушались ученицами на французскомъ языкѣ безъ всякихъ пособій. Не могу умолчать, что и въ институтѣ, какъ и въ Гатчинѣ, Ушинскій случайно попалъ на одну очень интересную находку. Обозрѣвая библіотечныя залы института, онъ проходитъ мимо одной запертой комнаты.—«А здѣсь что?» восклицаетъ онъ. Засуетились, отыскивали ключъ. Ушинскій входитъ—и что-же видитъ предъ собою? Довольно обширную комнату, заставленную по стѣнамъ прекрасными, старинными шкапами, а въ шкапахъ—полную коллекцію моделей животнаго царства изъ папье-маше, чучель птицъ, по большей части попорченныхъ молью и пылью, коллекціи минераловъ, гербаріи, физическіе инструменты. Все это когда-то было подарено институту Императри-

цви Маріей Ѳеодоровной и Александрой Ѳеодоровной, но никогда не употреблялось, никогда не показывалось дѣвицамъ; самая комната, повидимому, отпиралась лишь для чистки и ремонта. Вотъ по этому-то поводу и рассказалъ намъ Ушинскій про библіотеку Гугеля. Съ тѣхъ поръ кабинетъ былъ приведенъ въ порядокъ, дополненъ, къ нему былъ приставленъ особый служитель, лаборантъ, а уроки физики происходили не иначе, какъ въ этомъ кабинетѣ, гдѣ у преподавателя все было подъ рукой.

Что касается продолжительности уроковъ, то Ушинскій замѣнилъ полуторачасовые уроки часовыми, съ перемѣнами между уроками въ 10—15 минутъ. Такое сокращеніе, по мнѣнію Ушинскаго, дѣлало занятія воспитанницъ въ классахъ менѣе утомительными и давало возможность назначить большее число уроковъ по каждому предмету, а возможно частое занятіе однимъ предметомъ полезно, особенно въ начальномъ ученіи.

Учебный курсъ Александровскаго училища былъ совершенно сравненъ съ курсомъ «Общества», между тѣмъ какъ до того курсъ Александровскаго училища, продолжавшійся 6 лѣтъ и состоявшій изъ двухъ классовъ, былъ гораздо ниже; напр., физики въ немъ совсѣмъ не преподавалось.

Спеціальныи классъ былъ организованъ также иначе. Оставшіяся въ немъ дѣвицы должны были пробыть два года: первый годъ онъ называлъ теоретическимъ, второй—практическимъ. Теоретическій годъ специалитки употребляли на пополненіе своего образованія чтеніемъ, въ теоретическое знакомство съ педагогикой, дидактикой и методикой и на посѣщеніе уроковъ въ младшихъ классахъ, гдѣ онѣ слушали преподаваніе учителей. Въ практическій годъ, по проекту Ушинскаго, специалитки сами должны были заниматься въ особомъ отдѣленіи младшаго класса подъ руководствомъ учителей.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, сущность задуманной Ушинскимъ реформы учебной организаціи Смольнаго института. Но, какъ истинный педагогъ, Ушинскій отлично сознавалъ, что безъ надлежащихъ сотрудниковъ-учителей весь его проектъ останется мертвою буквою, что поручить проведеніе реформы старымъ учителямъ, сжившимся съ извѣстною рутинною, было невозможно, да притомъ съ преобразованиемъ Николаевской половины изъ трехкласснаго состава въ семиклассный, а Александровскаго изъ двухкласснаго, также въ семиклассный, съ ихъ параллельными отдѣленіями (Ушинскій не допускалъ въ одномъ классѣ болѣе 30 ученицъ), оказалась незанятыми масса свободныхъ уроковъ. Будучи самъ талантливымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ окружить себя и талантливыми сотрудниками. А гдѣ ихъ найти? Между тѣмъ, отъ первыхъ шаговъ зависѣла вся будущность его реформы. Но Ушинскій, какъ и всѣ истинно геніальные общественные

дѣатели, умѣлъ выбирать людей. Облеченный полнымъ довѣріемъ высшаго начальства, при выборѣ своихъ помощниковъ Ушинскій не стѣнялся никакими дипломами, никакимъ мундиромъ, лишь-бы намѣченное лицо—было дарованіе, лишь-бы оно имѣло «педагогическое чутье», какъ онъ выражался. Такъ, изъ Таврической бесплатной школы онъ приглашаетъ инженера барона Косинскаго, присутствуя на урокахъ котораго К. Д. подмѣтилъ особенное искусство преподавать геометрію; преподаваніе русской исторіи поручаетъ офицеру М. И. Семевскому, который промѣнялъ блестящій военный мундиръ на скромную долю педагога и литератора. Изъ Гатчины онъ зоветъ талантливаго учителя физики Я. П. Пугачевскаго, но тотъ долго упирался, не хотѣлъ покинуть любимой Гатчины, давно насиженаго мѣста, любившихъ его учениковъ.—«Что я буду дѣлать съ дѣвчонками; я не привыкъ къ нимъ; глупыя, онѣ не поймутъ меня», твердилъ бѣдный Яковъ Павловичъ. Но краснорѣчіе Ушинскаго сломило и упорнаго Я. П., и онъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ институтокъ. Изъ Николаевскаго института Ушинскій пригласилъ къ себѣ лучшихъ въ то время преподавателей географіи—В. И. Лядова и А. И. Павловскаго, заявившихъ уже себя составленіемъ прекрасной книги «Природа и люди»; для чтенія въ высшихъ классахъ русской словесности и литературы онъ приглашаетъ оставленнаго при университетѣ О. Ѳ. Миллера, знатока древней русской письменности, и В. И. Водозова, извѣстнаго въ то время преподавателя 1-й гражданской гимназіи; для преподаванія всеобщей исторіи онъ приглашаетъ профессора Дестуниса, глубоко ученаго грека. Молодой священникъ-академикъ Головинъ, только-что окончившій курсъ въ Петербургскомъ университетѣ филологъ Л. Н. Модзалевскій, ботаникъ Н. И. Раевскій, молодой математикъ Буссе, почтенный нѣмецъ Массонъ, живой Французъ Демени—также оказались талантливыми преподавателями и преданными сторонниками педагогическихъ взглядовъ К. Д. Ушинскаго *).

Д. Семеновъ.

(Окончаніе будетъ).

*) Изъ этого когда-то извѣстнаго педагогическаго кружка К. Д. Ушинскаго остались въ живыхъ въ данную минуту очень немногіе. Скончались: *свящ. Головинъ, Дестунисъ, Водозовъ, Павловскій, Лядовъ, Массонъ, Косинскій, Семевскій*, впоследствии основатель и редакторъ историческаго журнала «Русская Старина» и крупный общественный дѣатель, гласный С.-Петербургской думы, горячо ратовавшій за школу, *Миллеръ*, выдающійся профессоръ Петербургскаго университета. Изъ оставшихся въ живыхъ: *Н. И. Раевскій* теперь директоръ 2-го Петербургскаго реальнаго училища, *Л. Н. Модзалевскій*—инспекторъ Маріинскаго института, *Я. П. Пугачевскій* коротаетъ свой вѣкъ въ отставкѣ и живетъ въ Петербургѣ на пенсіи, а *Демени*, кажется, и до сихъ поръ преподаетъ французскій языкъ въ какомъ-то учебномъ заведеніи.

Д. С.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

4251296

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 2.

ФЕВРАЛЬ 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 48).

1895.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО.

(Мое первое знакомство съ К. Д. Ушинскимъ).

(Окончаніе).

III.

До поступленія своего учителемъ въ Смольный я вовсе не былъ знакомъ съ К. Д. Но имя его мнѣ было извѣстно. Я съ наслажденіемъ читалъ его увлекательно написанныя въ 1857—1858 г. статьи въ «Библиотекѣ для Чтенія» «О землевѣдѣніи К. Риттера», «Объ американскомъ воспитаніи» и въ педагогическомъ журналѣ Чумикова: «О пользѣ педагогической литературы», «О народности въ общественномъ воспитаніи», «Три элемента школы». Съ переходомъ Ушинскаго въ Смольный имя его уже гремѣло въ Петербургѣ. Мнѣ было въ то время всего 25 лѣтъ. Я былъ начинающій, увлекающійся всѣмъ новымъ учитель географіи въ Первой гимназіи и въ только-что открытомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ: было у меня не мало и частныхъ уроковъ, дорого оплачиваемыхъ; слѣдовательно, въ урокахъ я не нуждался. Но мнѣ просто хотѣлось поближе сойтись съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, позаняться любимымъ дѣломъ подъ его руководствомъ и вліяніемъ. И вотъ, помнится, въ мартѣ 1860 г. я какъ-то въ воскресенье, рано утромъ, отправился въ Смольный, гдѣ до того никогда не былъ. Долго я блуждалъ по обширнымъ зданіямъ Смольнаго, пока, наконецъ, указали мнѣ квартиру инспектора. Оказалось, что инспекторъ роскошнаго института жилъ въ отдѣльномъ старенькомъ деревянномъ флигелькѣ съ мезониномъ, на берегу Невы. Вхожу безъ всякаго доклада. Ко мнѣ выходитъ господинъ въ халатѣ, сухой, блѣдный, болѣзненный брюнетъ, но съ черными выразительными и пронизывающими тебя насквозь глазами. Я началъ просто:

— Я, Семеновъ, преподаватель географіи въ Первой гимназіи и Маріинскомъ училищѣ. Я читалъ ваши статьи. Мнѣ онѣ очень нравятся. Я вполне раздѣляю ваши педагогическіе взгляды, и мнѣ очень

хотѣлось - бы получить у васъ въ институтѣ нѣсколько уроковъ по географіи.

— Извините, — отвѣчалъ сухо К. Д., — я принимаю въ институтѣ только учителей лично мнѣ извѣстныхъ. При томъ я требую отъ своихъ учителей, кромѣ основательныхъ знаній, непременно и *педагогическаго таланта*. Затѣмъ я рѣшаюсь пригласить учителя лишь по прослушаніи, по крайней мѣрѣ, десяти уроковъ.

— На послѣднее я согласенъ, К. Д., а чтобы вы ознакомились съ моими педагогическими взглядами, позвольте попросить васъ просмотрѣть кое-что изъ этихъ моихъ письменныхъ трудовъ. Здѣсь вы найдете мою статью, предназначенную для Чумиковскаго журнала, «О преподаваніи географіи по идеямъ К. Риттера», программу курса, который я веду въ гимназій, нѣсколько подробныхъ конспектовъ отдѣльных уроковъ, а вотъ тетрадь одной ученицы Маріинскаго училища.

К. Д. съ видимой неохотой взялъ свертокъ и сухо попрощался. Я уже считалъ свою мечту неосуществимой, какъ вдругъ, черезъ два дня, получаю лаконическую телеграмму: «Пріѣзжайте ко мнѣ немедленно. Ушинскій».

Пріѣзжаю, и застаю К. Д. точно переродившимся, веселымъ, извиняющимся за сухой пріемъ...

— Знаете что? я васъ приглашаю учителемъ, но только не географіи, на этотъ предметъ у меня есть уже прекрасные преподаватели, а учителемъ русскаго языка и предметныхъ уроковъ въ двухъ нижнихъ классахъ; такого у меня еще совсѣмъ нѣтъ.

Какъ я ни упирался, а все-таки К. Д. убѣдилъ меня взять на первый разъ семь уроковъ русскаго языка въ VII и VI классахъ.

— А вашу статью о географіи я напечатаю въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» *) , — сказалъ онъ на прощаніе.

Такимъ образомъ Ушинскій натолкнулъ меня на новую профессію и литературное поприще. Нѣчто подобное случилось и съ покойнымъ М. И. Семевскимъ. И его Ушинскій впервые направилъ на педагогическую и литературную дорогу.

Помню я, что, внимательно прослушавъ мои обязательные десять уроковъ, послѣ одного изъ нихъ, — урока по объяснительному чтенію въ VI классѣ (читалась и разбиралась басня Крылова «Зеркало и обезьяна»), К. Д. пригласилъ меня въ свой кабинетъ и безпощадно раскритиковалъ мой урокъ, не обращая никакого вниманія на всѣ мои возраженія и оправданія. Наконецъ, я не выдержалъ и запальчиво проговорилъ:

*) К. Д. Ушинскій, по приглашенію министра Головинна, былъ въ то время и редакторомъ «Журн. Министр. Нар. Просв.».

— Вѣдь вы сами заставили меня преподавать русскій языкъ, К. Д. Чѣмъ такъ горячиться, лучше научите меня, дайте сами мнѣ урокъ въ томъ-же классѣ.

— Хорошо! Я дамъ урокъ при васъ,—отвѣтилъ онъ довольно рѣзко, и послѣ нѣкотораго раздумья прибавилъ:—но вы рискуете потерять свой авторитетъ предъ дѣтьми, и я принужденъ буду съ вами разстаться, хотя бы мнѣ этого и не хотѣлось...

— Ну, что-жъ дѣлать, К. Д.! Видно, не судьба съ вами служить, какъ мнѣ это ни прискорбно.

На слѣдующій урокъ Ушинскій входитъ въ классъ задумчивый, серьезный; молча занимаетъ мое мѣсто, а я сажусь въ сторонѣ. 10-ти—11-тилѣтнія дѣвочки стали читать басню Крылова «Трудолюбивый медвѣдь». Не успѣли дѣти кончить, какъ Ушинскій сталъ горячиться, забрасывать дѣтей вопросами о пользѣ и значеніи труда; испуганныя дѣвочки перестали отвѣчать и, наконецъ, расплакались. К. Д. бросаетъ книгу о столъ и со словами: «онѣ меня не понимаютъ: вѣтъ, ужъ лучше вы сами займитесь съ ними», уходитъ съ учительскаго мѣста и садится на мое; урокъ закончился благополучно: дѣвицы мало-по-малу успокоились, стали отвѣчать, оживились... Съ тѣхъ поръ мы сдѣлались искренними друзьями. Ушинскій убѣдилъ меня бросить совсѣмъ занятія въ Первой гимназійи и Маріинскомъ училищѣ и перейти на службу въ Смольный, гдѣ я получилъ всѣ уроки русскаго языка въ двухъ низшихъ классахъ, во всѣхъ отдѣленіяхъ на обѣихъ половинахъ, нѣсколько уроковъ по географіи и сдѣлался руководителемъ практическихъ занятій специалистовъ по русскому-же языку. Мало того: онъ пригласилъ меня давать уроки русскаго языка своему сыну—Панѣ, мальчику чрезвычайно способному, съ которымъ онъ сталъ, было, самъ заниматься, но никакъ не могъ сладить: горячился, доводилъ мальчика до слезъ, бросалъ урокъ и уходилъ въ свой кабинетъ совершенно разстроенный. И этотъ самый К. Д. Ушинскій, не могшій учить ни своихъ, ни чужихъ дѣтей, увлекательно читалъ лекціи взрослымъ, далъ русскимъ дѣтямъ прекрасныя книги: «Дѣтскій Міръ» и «Родное Слово», русскимъ педагогамъ капитальный философскій трудъ «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», подобнаго которому еще не было въ нашей педагогической литературѣ, не говоря уже объ отдѣльныхъ педагогическихъ трактатахъ, вошедшихъ въ собраніе его сочиненій, проникнутыхъ любовью къ русской семьѣ и русскому народу. Да, К. Д. Ушинскій на себѣ самомъ доказалъ истину, что можно быть выдающимся психологомъ и педагогомъ и въ то-же время плохимъ элементарнымъ учителемъ.

Сформировавъ тѣсный педагогическій кружокъ преданныхъ дѣловыхъ преподавателей, Ушинскій въ первый разъ со времени сто-

лѣтняго существованія Смольнаго открылъ учительскія конференціи съ цѣлью обсужденія новыхъ программъ и установленія единства преподаванія для лучшаго его успѣха. На такихъ-же конференціяхъ, съ приглашеніемъ и дамскаго персонала заведенія, рѣшались переводы ученицъ и присуждались награды; между тѣмъ до него учителя вовсе не участвовали въ сужденіи объ успѣхахъ дѣвицъ и вообще играли какую-то приниженную, второстепенную роль. Со времени Ушинскаго значеніе учителей выросло, поднялось, какъ въ глазахъ начальницы и классныхъ дамъ, такъ въ особенности въ глазахъ ученицъ.

Еще цѣннѣе были для насъ знаменитые *четверги* К. Д., на которые запросто собирались какъ мы, сослуживцы покойнаго, такъ и сотрудники «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Въ карты мы не играли, позднихъ ужиновъ тоже не было, — Ушинскій былъ врагъ всякихъ излишествъ, — а за чашкой чая толковали и спорили о новостяхъ тогдашней литературы, о современныхъ государственныхъ реформахъ, одушевляющимъ образомъ дѣйствовавшихъ особенно на хозяина, да и на всѣхъ его гостей; но больше всего говорили, конечно, о смолянскихъ дѣлахъ, о программахъ, методахъ, о разныхъ педагогическихъ вопросахъ и системахъ, которыми въ то время интересовалось вообще все образованное русское общество. На этихъ-же четвергахъ читались и обсуждались статьи для «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», который при Ушинскомъ получилъ исключительно педагогическую окраску и до того интересную и живую, что журналъ стали читать и не одни только присяжные педагоги *). Тутъ-же К. Д. читалъ свои статьи, составляемые имъ для «Дѣтскаго Міра», выслушивая и оспаривая замѣчанія практиковъ-педагоговъ.

А въ Смольномъ въ это время происходила какая-то усиленная, лихорадочная, напряженная умственная дѣятельность. Смольный, точно сказочный русскій богатырь, послѣ долгой столѣтней спячки, воспрянулъ духомъ и хотѣлъ наверстать потерянное время. Всѣ, и учителя, и ученицы, казалось, спѣшили отличиться другъ передъ другомъ. Дѣвицы, и большія, и маленькія, стали учиться отлично; съ какимъ-то захватывающимъ все существо вниманіемъ слѣдили онѣ за каждымъ урокомъ своихъ преподавателей, какъ-бы боясь проронить хоть одно слово. А съ какою неподдѣльною охотою отвѣчали онѣ на каждый вопросъ преподавателя, какой восторгъ написанъ былъ на ихъ свѣжихъ личикахъ, съ какой изумительной акку-

*) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» былъ подъ редакціей Ушинскаго всего только два года: 1860 и 1861 годы.

ратностью приготовляли онѣ заданные уроки и письменныя работы!.. Такъ обаятельно подѣйствовало на воспріимчивыя души воспитанницъ живое слово послѣ мертвящаго, скучнаго, схоластическаго преподаванія. И та-же институтка, которая лишь годъ тому назадъ заботилась только о своей наружности, думала о танцахъ, мечтала о выѣздахъ и побѣдахъ, въ тишивѣ ночи вздыхала и предавалась несбыточнымъ иллюзіямъ,—теперь полюбила и чтеніе, и науку, и трудъ. «Такимъ-то образомъ,—пишетъ В. П. Острогорскій, одинъ изъ лучшихъ біографовъ Ушинскаго,—благодаря эвергіи и таланту одного человѣка, въ какіе-нибудь три года совершенно обновилось и зажило новою, полною жизнью огромное учебное заведеніе, дотолѣ замкнутое, рутинное и не возбуждавшее въ обществѣ никакого интереса. Всюду въ Петербургѣ заговорили о Смольномъ и его необыкновенныхъ учителяхъ; чиновники разныхъ вѣдомствъ, многіе, просто интересовавшіеся педагогическимъ дѣломъ, нарочво пріѣзжали изъ города послушать удивительные уроки, особенно въ младшихъ классахъ». Самъ Ушинскій читалъ лекціи въ специальныхъ классахъ обѣихъ половинъ до того увлекательно, что приводилъ въ восторгъ своихъ взрослыхъ слушательницъ, онѣ его просто боготворили...

И во внутренней жизни Смольнаго произошли рѣзкія перемѣны. Вмѣстѣ со введеніемъ проекта Ушинскаго, по волѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ, разрѣшено было отпускать дѣвицъ на вакаціонное время къ родителямъ и ближайшимъ родственникамъ съ цѣлью поддержанія родственной связи между воспитанницами для ознакомленія ихъ съ жизнью тѣй среды, въ которую онѣ должны будутъ вступать по окончаніи курса. Вся Царская Семья часто запросто пріѣзжала въ Смольный на вечерніе праздники и принимала самое живое и милостивое участіе въ весельи институтокъ. На эти вечера приглашались и учителя, чего прежде не дѣлалось. Помню я, какъ на первомъ такомъ вечерѣ Императрица, замѣтивъ, что учителя толпились въ сторонѣ, сама соизволила пригласить ихъ участвовать въ играхъ и танцахъ, что они охотно и исполнили. Покойный Государь Императоръ Александръ II не любилъ пышныхъ встрѣчъ. Его Величество нерѣдко пріѣзжалъ въ институтъ неожиданно, ходилъ по классамъ, слушалъ преподаваніе учителей и отвѣты ученицъ, милостиво благодарилъ тѣхъ и другихъ. Изрѣдка устраивались, особенно на Александровской половинѣ, и семейные вечера, на которые приглашались родственники институтокъ и учителя. Институтки угощали гостей, пѣли, играли, танцевали, и все это дѣлалось просто, непринужденно.

Послѣ уравненія учебнаго курса обѣихъ половинъ аристократки-Николаевки перестали смотрѣть свысока, съ высокомеріемъ на мѣщанокъ-

Александровокъ, хотя давно уже Александровская половина утратила свой исключительно мѣщанскій характеръ; но такова сила традиціи... Теперь зачастую Николаевки стали приглашать къ себѣ въ гости Александровокъ, а Александровки—Николаевокъ. Ушинскій настоялъ и на томъ, чтобы институтки сидѣли въ классѣ въ пелеринахъ, такъ какъ считалъ неприличнымъ давать серьезные уроки передъ рядами декольтированныхъ дѣвицъ. Ушинскій сильно вооружался противъ предварительнаго чтенія классными дамами писемъ институтокъ, посылаемыхъ къ роднымъ и получаемыхъ отъ нихъ, такъ какъ, по его мнѣнію, такой обычай убивалъ искренность въ дѣлахъ, подрывалъ въ корнѣ добрыя семейныя начала и съ малолѣтства приучалъ институтокъ ко лжи, притворству и лицемерію. Негодовалъ онъ также на то, что институткамъ запрещалось предлагать вопросы учителямъ даже во время урока,—точно учителя были какіе-то опасные люди, которые не имѣли права разъяснять ученицамъ то, чего онѣ не поняли и что хотѣли себѣ разъяснить. Онъ-же положилъ начало ученическимъ библіотекамъ для cadaго класса, гдѣ заводились книги, соотвѣтствующія возрасту и потребностямъ дѣтей, съ цѣлью развить въ нихъ охоту къ чтенію.

Казалось, все шло хорошо... Какъ вдругъ, совершенно неожиданно, передъ самой Пасхой 1862 г. К. Д. Ушинскій вынужденъ былъ навсегда оставить Смольный, пробывъ въ немъ всего только три года, съ 1859 по 1862 годъ. Теперь еще рано говорить объ истинныхъ причинахъ удаленія Ушинскаго изъ Смольнаго. Скажу только, что Ушинскаго сломали интриги лицъ, не сочувствовавшихъ широкой реформѣ женскаго институтскаго образованія, какъ не мало было въ то время людей, не раздѣлявшихъ величайшаго блага—освобожденія крестьянъ. Упрекнуть К. Д. можно было развѣ въ его болѣзненной раздражительности, въ горячности и прямотѣ характера, въ неумѣнн ийти къ цѣли окольными путями, въ нежеланіи подлаживаться и заискивать расположенія своихъ враговъ. Но съ полнымъ убѣжденіемъ, какъ его самый близкій другъ, я могу засвидѣтельствовать, что Ушинскій былъ искренно преданный правительству челоѣкъ, глубоко религіозный и честнѣйшій гражданинъ. Императрица Марія Александровна знала все это и не смутилась взять К. Д. подъ свое покровительство и въ его несчастіи. По Ея волѣ, Ушинскій былъ прикомандированъ къ Учебному Комитету IV Отдѣленія Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи съ сохраненіемъ полнаго содержанія; сверхъ того, ему дана была продолжительная командировка за границу съ цѣлью поправленія совершенно разстроеннаго здоровья, осмотра заграничныхъ женскихъ учебныхъ заведеній и составленія учебника педагогики для спеціальныхъ классовъ

Ушинскаго не стало!.. Но реформа его не умерла. Она продолжалась съ нѣкоторыми лишь несущественными измѣненіями, касающимися числа учебныхъ часовъ и распредѣленія предметовъ по классамъ. Мало того, реформа Ушинскаго постепенно введена и во всѣ остальные институты Имперіи. И теперь институтка не является уже какимъ-то анахронизмомъ на общемъ фонѣ современнаго русскаго общества. Она наравнѣ съ гимназисткой успѣшно работаетъ на поприщѣ семейной и общественной дѣятельности.

Преждевременная смерть не дозволила Ушинскому докончить начатое имъ руководство по педагогикѣ, но у меня сохранилась программа курса, которой онъ самъ держался на своихъ лекціяхъ и которая, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не была напечатана цѣликомъ, поэтому я считаю не бесполезнымъ привести ее въ полномъ видѣ, какъ она вышла изъ-подъ пера самого К. Д. Ушинскаго.

Программа педагогивы для спеціальныхъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній, составленная К. Д. Ушинскимъ.

Цѣль преподаванія педагогивы.

Предметъ педагогивы, какъ по цѣли своей, такъ и по множеству входящихъ въ него предметовъ, а равно и по сходству своему съ обширными науками, изъ которыхъ онъ черпаетъ свое содержаніе, такъ громаденъ, что преподаваніе его въ спеціальныхъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній должно необходимо ограничиться обзорнымъ выборомъ педагогическаго матеріала. При этомъ выборѣ должно руководствоваться, во-первыхъ, ближайшими практическими цѣлями, для которыхъ преподаваніе педагогивы введено въ женскія учебныя заведенія, и, во-вторыхъ, тѣмъ запасомъ подготовительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для яснаго пониманія педагогивы, который можно предположить въ слушательницахъ.

Практическая цѣль преподаванія педагогивы въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ заключается, во-первыхъ, въ томъ, чтобы развить въ воспитанницахъ желаніе сознательно заниматься воспитательной дѣятельностью и открыть имъ возможность понимать педагогическія сочиненія и тѣмъ вести далѣе свое педагогическое образованіе, для котораго въ учебномъ заведеніи могутъ быть положены самыя первыя основы, и, во-вторыхъ, въ томъ, чтобы дать слушательницамъ возможность, по выходѣ-же изъ заведенія, съ успѣхомъ, безъ тяжелыхъ пробъ и грубыхъ ошибокъ, заняться воспитаніемъ и первоначальнымъ обученіемъ дѣтей.

Что касается до подготовительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для

пониманія педагогики, то должно имѣть въ виду, что воспитанницы спеціальныхъ классовъ неодинаково относятся къ двумъ основнымъ для педагогики наукамъ: къ физиологiи и психологiи. Съ физиологическими фактами слушательницы спеціальныхъ классовъ болѣе или менѣе ознакомились уже прежде, а потому преподавателю педагогики остается только примѣнить эти свѣдѣнiя къ педагогическимъ выводамъ. Но такъ какъ психологiя не проходится въ женскихъ учебныхъ заведенiяхъ, то преподаватель педагогики по необходимости долженъ взять на себя обязанность ознакомить своихъ слушательницъ съ психологическими понятiями, служащими основанiемъ для педагогическихъ правилъ, при чемъ преподаватель, конечно, никогда не долженъ терять изъ виду, что это ознакомленiе съ психологiей необходимо здѣсь только для спеціальной педагогической цѣли. Вотъ почему, излагая педагогическiя понятiя, преподаватель педагогики не долженъ вдаваться въ разборъ различныхъ психологическихъ теорiй, а брать только то, что уже окончательно добыто и разъяснено наукой, и всякiй разъ показать педагогическую приложимость той или другой психологической истины.

Принимая въ соображенiе всѣ эти обстоятельства, можно предложить въ руководство для спеціальныхъ классовъ женскихъ учебныхъ заведенiй слѣдующую программу педагогики.

А. Предварительныя понятiя и раздѣленiе предмета.

Воспитательная дѣятельность, какъ и всякая другая разумная человѣческая дѣятельность, имѣетъ: 1) свой предметъ, 2) цѣль и 3) средства.

1) Предметъ воспитательной дѣятельности. Понятiе воспитанiя. Приложимость воспитанiя только къ организмамъ. Необходимость познакомиться съ организмомъ и его дѣятельностью. Общiя понятiя объ организмѣ. Развитiе, какъ отличительный признакъ организма. Что такое развитiе. Развивающее воспитанiе должно быть также органическимъ, потому что имѣетъ дѣло съ организмомъ. Два главные рода организмовъ. Организмы индивидуальныя и общественныя. Воспитанiе также можетъ быть индивидуальное и общественное. Вопросы общественнаго воспитанiя не будутъ входить въ курсъ, который, главнымъ образомъ, имѣетъ своею цѣлью воспитанiе отдельныхъ личностей. Три рода индивидуальныхъ организмовъ: растенiе, животное и человѣкъ. Вся природа растенiя выражается въ процессѣ роста.

Въ животномъ къ растительной природѣ присоединяется чисто животная; чувство и произвольное движенiе, какъ выраженiе чув-

ства. Къ пищевому или растительному процессу и его органамъ присоединяются органы чувства и произвольнаго движенія: органы внѣшнихъ чувствъ, мускулы и нервная система. Въ человѣкѣ къ органамъ и процессамъ растительнымъ и животнымъ присоединяются чисто человѣческія особенности: самосознаніе или разумъ и свободная воля. Отношеніе педагогики ко всей этой сложности человѣческаго организма. Предметомъ педагогики является правильное развитіе человѣческаго организма во всей его сложности, въ его растительныхъ, животныхъ и чисто человѣческихъ процессахъ. Всякое развитіе совершается во времени и имѣетъ свои періоды. Отличительные признаки періодовъ человѣческаго развитія: младенчества, дѣтства, отрочества, юности и возмужалости.

2) Цѣли воспитательной дѣятельности. Два вида этой цѣли. Воспитаніе индивида для него-же самого и воспитаніе въ индивидѣ члена общественнаго организма. Взаимная связь этихъ обѣихъ цѣлей.

3) Средства воспитательной дѣятельности. Матеріалъ развитія, предлагаемый воспитаніемъ, какъ пища тѣлесная и душевная. Уходъ или руководство къ воспріятію и переработкѣ этой пищи.

Ученье, какъ одно изъ самыхъ сильныхъ воспитательныхъ средствъ, какъ по своей важности, такъ и по обширности и разнообразію своихъ правилъ; излагается обыкновенно отдѣльно въ *дидактикѣ* или наукѣ обученія. Дидактика бываетъ *общая*, излагающая правила ученія вообще, и *частная*, излагающая правила обученія отдѣльныхъ предметовъ.

Отсюда выходитъ раздѣленіе курса педагогики на двѣ части: на педагогику и дидактику. Педагогика подраздѣляется также на двѣ части: въ первой излагаются основанія и правила физическаго воспитанія, во второй—основанія и правила умственно-нравственнаго воспитанія.

Б. Педагогика.

Часть первая: *воспитаніе физическое*. Общее понятіе о физическомъ воспитаніи. Важное его значеніе. Необходимость изученія физическихъ и физиологическихъ явленій въ организмѣ человѣка. Органы и процессы жизни растительной, т.-е. имѣя въ виду преподаваніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, исключительно одинъ пищевой процессъ. Органы и процессы жизни животной: мускулы, органы чувствъ, нервная система.

1. *Пищевой процессъ*. Его органы. Дѣятельность органовъ. Матеріалъ пищевого процесса. Условія правильнаго совершенія: воздухъ, температура, свѣтъ.

а) *Пища*. Различные виды пищи. Пища растительная и животная. Различные виды той и другой. Значеніе различныхъ пищевыхъ матеріаловъ для организма. Количество пищи. Своевременность питанія. Различіе пищи по возрастамъ, по климату, по образу жизни, по особенностямъ физическаго организма. Слѣдствія недостатка пищи и дурного ея качества. Слѣдствія излишества пищи, слѣдствія одобразія, слѣдствія слишкомъ большого разнообразія. Педагогическія правила относительно количества и качества пищи, а равно и времени питанія.

б) *Воздухъ*. Составъ воздуха. Значеніе его въ пищевомъ процессѣ. Отчего портится воздухъ. Средства его возобновленія.

в) *Температура*. Значеніе температуры въ пищевомъ процессѣ. Вліяніе на организмъ слишкомъ высокой и слишкомъ низкой температуры. Приученіе къ выносливости въ этомъ отношеніи и его разумныя предѣлы. Вліяніе на организмъ быстрыхъ переиѣнъ температуръ. Вліяніе вѣтра, сухости и влажности воздуха. Разнообразіе климатическихъ условій въ Россіи и необходимость сообразоваться съ ними. Жилье и одежда, какъ средства противодѣйствія вреднымъ вліяніямъ крайностей температуръ и различнымъ климатическимъ вліяніямъ.

г) *Свѣтъ*. Его вліяніе на химическіе и физическіе процессы въ жизненныхъ явленіяхъ. Его вліяніе на растенія и въ особенности на дѣтей.

2. *Мускульный процессъ*. Значеніе мускульной системы въ организмѣ. Устройство мускуловъ и ихъ дѣятельность. Необходимость мускульной дѣятельности для нормальнаго развитія человѣка. Отношеніе этой дѣятельности къ пищевому процессу. Условія препятствующія и условія благопріятствующія правильному развитію мускуловъ. Развитіе въ этомъ отношеніи образа жизни дѣтей и дѣтскихъ игръ. Гимнастика, преимущественно дѣтская, и ея педагогическое значеніе. Мускульныя движенія, какъ источникъ мускульныхъ ощущеній. Важное значеніе этихъ ощущеній въ душевномъ развитіи человѣка.

3. *Дѣятельность органовъ внѣшнихъ чувствъ*. Устройство органовъ внѣшнихъ чувствъ, преимущественно зрѣнія и слуха. Дѣятельность ихъ. Условія препятствующія и условія благопріятствующія правильному развитію органовъ внѣшнихъ чувствъ. Педагогическія правила для правильнаго развитія органовъ зрѣнія, слуха и осязанія.

4. *Нервная система*. Устройство ея центральныхъ органовъ и развѣтвленій. Дѣятельность нервной системы. Отношеніе этой дѣятельности къ растительнымъ и мускульнымъ процессамъ. Различныя особенности нервной дѣятельности: вялость ея, возбужденность, нерв-

ное раздраженіе, нервное истощеніе. Опасныя слѣдствія нервного раздраженія и нервной бездѣятельности въ дѣтскомъ возрастѣ. Другое вліяніе на нервную дѣятельность нѣкоторыхъ пищевыхъ матеріаловъ. Вліяніе свѣжаго воздуха, купаній, гимнастики, различнаго образа жизни дѣтей; вліяніе умственной и вліяніе физической работы на нервную систему. Необходимость общаго отдыха въ нервной дѣятельности. Сонъ. Его фізіологическое значеніе. Его продолжительность въ разные возрасты. Необходимость частаго отдыха нервной системы, или необходимость разнообразія въ нервной дѣятельности. Нервные и мускульныя привычки, или навыки. Ихъ приобрѣтаемость въ жизни и ихъ наследственность. Врожденное настроеніе нервной системы, какъ врожденная основа человѣческаго характера. Раздѣленіе въ этомъ отношеніи людей по темпераментамъ. Признаки различныхъ темпераментовъ. Значеніе различія темпераментовъ въ воспитательной дѣятельности.

Часть вторая. *Воспитаніе умственно-нравственное.* Отличіе психическихъ явленій отъ физическихъ. Сознательность, какъ отличительный признакъ психическаго явленія. Взаимодѣйствіе души и тѣла. Два вида психическихъ явленій въ человѣкѣ: А) психическія явленія низшаго разряда, общія человѣку и животнымъ, которыя слѣдуетъ назвать *душевными* въ отличіе отъ тѣлесныхъ; Б) психическія явленія высшаго разряда, составляющія исключительную принадлежность человѣческой души и которымъ слѣдуетъ усвоить названіе *духовныхъ*.

А. Душевные явленія.

Три вида душевныхъ явленій: I. Явленія познаванія. II. Явленія внутренняго чувства или *чувствованія* и III. Явленія воли.

I. *Познавательный процессъ*: 1) воспріятіе, 2) память, 3) воображеніе и 4) разсудочный процессъ.

1. *Воспріятіе.* Психическая сторона въ актѣ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ. Вниманіе, какъ необходимое условіе воспріятія. Два вида вниманія: произвольное и пассивное. Переходъ произвольнаго вниманія въ пассивное и наоборотъ. Важное значеніе вниманія въ воспитательной дѣятельности. Условія, развивающія силу и постоянство вниманія, и условія, ослабляющія его. Оцѣнка въ этомъ отношеніи различныхъ дидактическихъ приемовъ. Важное значеніе первыхъ воспріятій въ душевной исторіи человѣка вообще и въ частности значеніе ихъ въ умственномъ развитіи и въ ученіи. Что такое наглядность въ обученіи? Ея необходимость при первоначальномъ обученіи.

2. *Память.* Объяснение акта припоминания и забвения. Припоминание произвольное и произвольное. Какъ составляются представленія изъ первыхъ воспріятій и какъ сочетаются между собою. Различные виды сочетанія (ассоціаціи) представленій и преимущественное значеніе того и другого изъ этихъ видовъ въ различныхъ предметахъ ученія. Постепенное осложненіе ассоціацій. Память въ младенчествѣ, въ дѣтствѣ, въ отрочествѣ, въ юности и въ зрѣломъ возрастѣ. Важное значеніе памяти вообще въ жизни и въ частности въ ученіи. Условія, способствующія развитію и укрѣпленію памяти, и условія, тому противодѣйствующія. Разумная организація предметовъ ученія, какъ средство прочнаго усвоенія. Необходимость постепенности, послѣдовательности и постоянства въ ученіи. Необходимость повтореній; ихъ психическое значеніе.

3. *Воображеніе.* Объяснение процесса воображенія. Вліяніе на него нервной системы. Вліяніе матеріаловъ, усвоенныхъ памятью. Вліяніе воли. Особенности воображенія у дѣтей и отроковъ. Вліяніе воображенія на нравственную сторону человѣка. Условія, способствующія и противодѣйствующія правильному развитію воображенія. Педагогическая оцѣнка въ этомъ отношеніи образа жизни дѣтей, различнаго рода дѣтскихъ игръ и занятій, а также сказокъ, романовъ, театральныхъ зрѣлищъ. Вліяніе учебной дѣятельности на воображеніе.

4. *Разсудочный процессъ.* Въ этомъ отдѣлѣ преподаватель долженъ познакомить своихъ слушательницъ не только съ ходомъ разсудочнаго процесса вообще, но и съ основными логически понятіями, какъ потому, что безъ знакомства съ этими понятіями не можетъ быть понятъ самъ разсудочный процессъ, такъ и потому, что знаніе законовъ логическаго мышленія необходимо для тѣхъ, кто хочетъ развивать въ дѣтяхъ способность къ логическому, т.-е. правильному мышленію. Но такъ какъ логика у насъ не преподается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, ни въ женскихъ, ни въ мужскихъ, то въ этомъ отношеніи должно быть изложено:

Образованіе представленій изъ первыхъ воспріятій, или признаковъ. Значеніе признаковъ существенныхъ и несущественныхъ. Образованіе понятій изъ представленій. Сужденіе, какъ процессъ образованія понятій. Разсужденіе, какъ процессъ анализа или разложенія понятій. Значеніе умозаключеній и различные ихъ виды. Различныя отношенія человѣческаго пониманія къ предметамъ пониманія: къ предметамъ и явленіямъ природы, къ понятіямъ математическимъ, къ явленіямъ душевнымъ. Три источника человѣческихъ знаній: природа, душа и произвольныя движенія человѣка. Въ частности должно быть объяснено понятіе предмета и явленія, причины, условія и слѣдствія, закона и правила, цѣли, случая и назначенія. Процессъ индук-

тивнаго и дедуктивнаго мышленія, въ частности ихъ значеніе въ учебной дѣятельности. Исторія постепеннаго образованія разсудка и различныя вліянія на эту исторію. Значеніе слова въ разсудочномъ процессѣ. Условія, способствующія правильному развитію разсудка. Оцѣнка различныхъ вліяній въ этомъ отношеніи и въ частности вліяніе первоначальнаго обученія: обученіе механическое и развивающее.

II. *Внутреннія чувства или чувствованія.* Отличительные признаки этого психическаго явленія. Различное происхожденіе чувствованій: изъ органическихъ причинъ, изъ хода сознательныхъ представленій. Воплощеніе чувствованій. Нервное сочувствіе, нервная раздражительность, значеніе ихъ въ воспитательной дѣятельности. Переходъ чувствованій въ чувственные настроенія души. Какъ дѣйствуетъ на чувство возбужденіе и бездѣятельность. Условія, усиливающія данное чувственное настроеніе души, и условія, ослабляющія его. Оцѣнка въ этомъ отношеніи обращенія съ дѣтьми взрослыхъ людей: кормилицы, няньки, прислуги, постороннихъ лицъ, воспитателей. Раздѣленіе душевныхъ чувствованій на 1) сердечныя, 2) умственно-сердечныя и 3) умственные.

1. *Виды сердечныхъ чувствованій:* а) удовольствіе и неудовольствіе, б) влеченіе и отвращеніе, в) гнѣвъ и чувство доброты, г) страхъ и чувство смѣлости, д) чувство стыда и чувство самодовольствія.

2. *Умственно-сердечныя чувства.* Отсутствие дѣятельности въ различныхъ его степеняхъ: скука, тоска, апатія.

3. *Виды душевно-умственныхъ чувствованій:* а) чувство различія и сходства, б) чувство умственного напряженія, в) чувство ожиданія, г) чувство неожиданности въ двухъ своихъ видахъ: чувство обмана и чувство удивленія, д) чувство сомнѣнія и увѣренности, е) чувство контраста, ж) чувство успѣха.

При изложеніи каждаго вида чувствованій должно быть оцѣнено его значеніе въ жизни вообще и въ дѣтской въ особенности; условія, усиливающія или ослабляющія данное чувство, и затѣмъ изложены педагогическія мѣры въ этомъ отношеніи.

III. *Явленія воли.* Возникновеніе желаній и различные источники ихъ. Процессъ постепенной выработки желаній въ убѣжденія и убѣжденій въ рѣшенія. Переходъ желаній въ склонности, наклонности и страсти. Исторія образованія человѣческаго характера. Значеніе идеи счастья, значеніе цѣли въ жизни. Важнѣйшія условія человѣческой воли: слабости воли и заблужденія воли. При этомъ спеціально должны быть разсмотрѣны склонность къ лѣни, къ привычкѣ, къ подражанію, къ развлеченію. Зарожденіе и укорененіе этихъ привычекъ въ дѣтяхъ. Здѣсь должны быть изложены и средства противъ лѣности, непослушанія, каприза, а вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнено значеніе педагогическихъ

поощреній и взысканій, какъ средствъ противодѣйствія слабой или заблуждающейся волѣ дитяти. Изъ разсмотрѣнія исторіи воли и ея уклоненій сама собою откроется вся важность дѣятельности въ дѣтской жизни, а потому здѣсь у мѣста будетъ изложить всѣ педагогическія мѣры, дающія пищу дѣтскому стремленію къ дѣятельности.

Б. Психическія явленія высшаго разряда, порядка, или явленія духовныя.

Общее понятіе объ этихъ явленіяхъ и самосознаніе, какъ отличительный ихъ признакъ. Отношеніе самосознанія къ сознанию. Самосознаніе, какъ источникъ разума. Самосознаніе или разумность, какъ общій корень всѣхъ духовныхъ, чисто человѣческихъ явленій. Виды этихъ явленій. I. Даръ слова, II. Чувство художественное, III. Чувство нравственное, IV. Чувство религіозное.

I. *Даръ слова.* Физиологическія и психическія основанія дара слова. Важное значеніе языка въ умственномъ развитіи человѣка и дитяти въ особенности. Развитіе языка въ человѣчествѣ. Логическая и историческая связь языковъ. Отношеніе языка къ логикѣ. Развитіе языка въ индивидѣ и въ особенности у дѣтей. Значеніе языка для индивида и въ особенности для дитяти. Условія благопріятствующія и условія противодѣйствующія развитію языка въ дѣтяхъ. Оцѣнка въ этомъ отношеніи различныхъ вліяній. Педагогическія мѣры, способствующія правильному и обширному развитію дара слова въ дѣтяхъ. Вліяніе изученія иностранныхъ языковъ на знаніе своего собственнаго.

II. *Чувство художественное.* Его психическія и физиологическія основы. Его проявленія въ музыкѣ, живописи, ваяніи, поэзій, любви къ природѣ и человѣку. Условія способствующія и условія противодѣйствующія развитію художественнаго чувства. Поэтической элементъ въ воспитаніи. Оцѣнка различныхъ поэтическихъ произведеній въ ихъ вліяніи на душу дитяти. Вліяніе занятій искусствами и въ особенности музыкой и живописью на общее развитіе и душевное настроеніе дѣтей.

III. *Чувство нравственное.* Психическія основы нравственнаго чувства и двѣ формы его: 1) индивидуальное нравственное чувство, или чувство правды и справедливости; 2) общественное нравственное чувство, или чувство нравственное въ тѣсномъ смыслѣ.

1. *Чувство права и справедливости.* Его психическія основы въ чувствѣ личности и въ чувствѣ равенства личностей передъ закономъ совѣсти.

Исторія чувства права и справедливости въ дѣтской душѣ. Оцѣнка въ этомъ отношеніи вліяній окружающей среды и обращенія взрос-

лыхъ съ ребенкомъ. Вліяніе обращенія дѣтей между собою. Воспитательныя мѣры для укорененія въ ребенкѣ чувства права и справедливости.

2. *Нравственное чувство въ тѣсномъ смыслѣ.* Его психическія основы въ сознаніи свободы воли, слѣдовательно смѣняемости поступковъ, въ стремленіи къ самоусовершенствованію. Совѣсть, какъ мѣрило собственнаго совершенства. Исторія развитія нравственнаго чувства въ дѣтяхъ. Жизненные условія и воспитательныя мѣры въ ихъ вліяніи на развитие и подавленіе нравственнаго чувства. Важное значеніе этого чувства въ жизни человѣка. Педагогическія мѣры для правильнаго его развитія. Мѣры, возбуждающія подавленное нравственное чувство.

IV. *Чувство религіозное.* Психическія основы стремленія къ Божеству. Стремленіе это врождено каждой человѣческой душѣ. Исторія развитія этого чувства въ душѣ человѣка. Условія, способствующія и противодѣйствующія развитію религіознаго чувства. Его уклоненія съ нормальнаго пути; вредныя послѣдствія такихъ уклоненій. Педагогическія мѣры для правильнаго развитія религіознаго чувства.

Преподаваніе Закона Божія предоставлено въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ духовнымъ лицамъ, а потому преподаватель общей педагогики долженъ ограничиться только изложеніемъ мѣръ правильнаго развитія вообще религіознаго чувства.

Дидактика.

Понятіе о дидактикѣ. Ея психологическія основанія. Ея важное значеніе. Раздѣленіе дидактики на общую и частную.

I. *Общая дидактика.* Общее понятіе объ обученіи. Ученіе, какъ средство воспитанія. Практическія цѣли ученія. Два различные вида ученія: а) ученіе пассивное посредствомъ преподаванія; б) ученіе активное посредствомъ собственнаго опыта. Относительное значеніе каждаго, ихъ необходимая связь въ каждомъ ученіи. Преподаваніе въ тѣсномъ смыслѣ слова. Необходимыя условія каждаго преподаванія: 1) Своевременность, 2) Постепенность, 3) Органичность, 4) Постоянство, 5) Твердость усвоенія, 6) Ясность, 7) Самодѣятельность учащагося, 8) Отсутствие чрезмѣрной напряженности и чрезмѣрной легкости, 9) Нравственность, 10) Полезность.

Общая организація ученья. Необходимость плана. Его правильность и практичность. Два главные метода преподаванія и ученья: 1) методъ синтетическій, 2) методъ аналитическій. Особенная приложимость того или другого метода къ разнымъ предметамъ изученія. Необходимость ихъ соединенія во всѣхъ предметахъ. Правильная организація знаній, какъ результатъ соединенія обоихъ методовъ.

Приемы преподавания: 1) приемъ *догматическій*, или предлагающій. Предложеніе предметное и предложеніе словесное. Необходимыя условия того и другого. 2) Приемъ *сократическій*, или спрашивающій. 3) Приемъ *эвристическій*, или дающій задачи. Правила задачъ. 4) Приемъ *акроаматическій*, или излагающій. Правила изложенія. Особенная приложимость этихъ приемовъ по возрастамъ и приемамъ ученья. Необходимость ихъ соединенія въ каждомъ преподаваніи.

II. *Частная дидактика*. Предметъ частной дидактики. Ея значеніе. Измѣненіе правилъ общей дидактики различными предметами преподаванія.

1) Занятія, предшествующія каждому ученію. Подробное изложеніе Фребелевской методы и педагогическая оцѣнка ея значенія. 2) Обученіе грамотѣ. Различные способы. Педагогическая ихъ оцѣнка. 3) Обученіе родному языку и его грамматикѣ. 4) Обученіе первоначальной ариѳметикѣ и геометріи. 5) Обученіе первоначальному естествознанію. 6) Обученіе географіи. 7) Обученіе исторіи. 8) Первоначальное обученіе искусствамъ: чистописанію, рисованію, музыкѣ и пѣнію.

При изложеніи дидактики каждаго отдѣльнаго предмета слѣдуетъ знакомить слушательницъ съ лучшими руководствами по этому предмету.

Въ заключеніе преподаватель могъ-бы изложить исторію замѣчательнѣйшихъ педагогическихъ системъ и дать критическій разборъ наиболѣе полезныхъ педагогическихъ сочиненій.

Д. Семеновъ.